

Н. И. ВАВИЛОВ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

О Николае Ивановиче Вавилове, выдающемся ученом-ботанике, географе, генетике, интродукторе растений, первом президенте Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН, тогда ВАСХНИЛ), организаторе и первом директоре ВНИИ растениеводства (ВИР), ныне носящего его имя, всестороннего дарования личности и просто замечательном человеке написано и сказано уже немало. Он по праву причислен к кругу великих сынов и граждан России, известных во всем мире и внесших большой вклад в развитие отечественной и мировой науки. Судьба его трагична, жизнь действительно оказалась для него коротка, оборвавшись в 55 лет в саратовской тюрьме. Его постоянный девиз: «Жизнь коротка, надо спешить!» оказался для него пророческим. Он успел сделать в своей невероятно напряженной по трудовому режиму и биоритму жизни чрезвычайно много, но мог бы сделать гораздо больше, проживи еще лет 10-20. В этом отношении его неисчерпаемый талант творчества сродни поэтическому дару другого русского гения – А.С. Пушкина. Их жизнь и творческое горение пресекли до нелепого рано, на самом пике жизненного пути, многих незавершенных идей и задуманных планов.

Этот очерк лишь малое отражение великой по своему творческому накалу и значению жизни, представленной в довольно ограниченном аспекте причастности Н.И. Вавилова к истории нашего города, в частности его замечательного пригорода – Царского Села. Причастности, прежде всего, служебной, он здесь работал, пускай далеко не все свое рабочее время. Слишком глобален был круг его интересов и обязанностей как ученого и организатора науки, образно, но верно говоря, стоявшего на глобусе, обозревавшего, изучавшего и исколесившего почти весь земной шар. Не менее, а может и более, сближало и роднило его с Царским Селом то, что он здесь проживал в летнее время со своей семьей в непосредственной близости от места работы. Чтобы понять и прочувствовать какова же была его связь с этим городом, надо все же осветить предысторию его здесь появления и пребывания. А для этого не обойтись без некоторых биографических сведений об этом замечательном человеке, гражданине, ученом, без упоминания которого была бы чего-то существенного лишена история Царского и Детского Села, города Пушкина.

Начало пути

Н.И. Вавилов родился 26 (13) ноября 1887 года в Москве, на Пресне, в семье видного промышленника и коммерсанта Ивана Ильича Вавилова, одного из директоров известной многим текстильной фабрики «Трехгорная мануфактура». Род Вавиловых происходил из крестьян Волоколамского уезда, села Ивашково. Отец выбился в деловые люди, благодаря своим незаурядным природным качествам: смышленому уму, энергии, большому трудолюбию. Мать Н.И. Вавилова – Александра Михайловна (урожденная

Постникова) была из семьи художника-гравера, работавшего на той же фабрике, что и будущий муж его дочери. В семье Вавиловых было четверо детей: два сына и две дочери. Сыновья и прославили свою фамилию, Старшим из них был Николай Вавилов, младшим – Сергей. Оба стали выдающимися, каждый в своей области науки, учеными, академиками.

Отец хотел сделать из них, особенно из старшего сына, наследников и преемников своего дела. Для получения среднего образования он определил их в лучшее по тем временам Московское коммерческое училище. Образование там было действительно на самом высоком уровне. Кроме товароведения, бухгалтерии, статистики, особый упор делался на естественные науки, физику, химию, а также на изучение основных европейских языков: английского, немецкого, французского. Такой уровень школьной подготовки сказался очень благотворно на будущих естественно-научных интересах и знаниях обоих братьев. По завершению обучения в училище Н.И. Вавилов не пожелал больше продолжать образование по торговой части. Поступлению в университет мешало отсутствие знания древних языков, латинского и греческого, которые преподавали тогда в классических гимназиях. Поэтому его привлек университет другого рода – Петровская земледельческая и лесная академия, в то время именовавшаяся Московским сельскохозяйственным институтом (в настоящее время Тимирязевская академия или Российский государственный аграрный университет им. К.А. Тимирязева). Поступил он туда в 1906 году, а закончил институт в 1910 году. Пребывание его там на этом не завершилось, он был оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре выдающегося ученого-агрохимика Д. Н. Прянишникова. Учитель распознал в ученике личность необыкновенно талантливую и целеустремленную. Именно ему принадлежали впоследствии вещи слова: «Николай Иванович – гений, если мы этого еще не осознаем, то только потому, что являемся его современниками». Нынешние поколения это вполне осознали, хотя и имеются отдельные мнения с этим не согласные. Однако это связано не столько с Вавиловым, сколько с личными комплексами сознания их выразителей.

Не известно бывал ли Н. И. Вавилов в Петербурге ранее, но в 1911-1912 гг. он находится там достаточно долго, проходя стажировку в Бюро по прикладной ботанике, руководимого Р.Э. Регелем. Одновременно он практикуется в Бюро по микологии и фитопатологии у известного специалиста по грибным заболеваниям растений, миколога А. А. Ячевского. Ознакомление с работой этих учреждений и сама его работа там лично сыграли очень важную роль в дальнейшей научной и организационной деятельности Н. И. Вавилова, в становлении его глубоко и широко образованным специалистом в области ботаники и учения об иммунитете растений к болезням и вредителям. Еще ранее он прошел хорошую школу селекции на Селекционной станции, возглавляемой Д.Л. Рудзинским. На Бюро прикладной ботаники, из которого собственно возникло и выросло, благодаря Н.И. Вавилову, главное его детище – Всероссийский (сначала

Всесоюзный) институт растениеводства (ВИР) его имени, надо остановиться особо.

Бюро по прикладной ботанике было учреждено в 1894 г. при Ученом Комитете Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, в здании которого на Исаакиевской площади находится ВИР. До 1905 г. Бюро не имело своего постоянного помещения. Затем оно сняло несколько комнат на Выборгской стороне, на Чугунной ул., а позже на Батурином переулке д.5. Лишь в 1913 г. Бюро переехало на Васильевский остров, где на 2-ой линии в доме 61 сняло уже 5 квартир. Первым заведующим Бюро был профессор А.Ф. Баталин. Ко времени учреждения Бюро он был уже директором Петербургского Ботанического сада. После смерти А.Ф. Баталина в 1896 г. его на время сменил на этом посту новый директор Ботанического сада профессор А.Л. Фишер, а в 1899 г. профессор Лесного института, а затем Петербургского Университета А. П. Бородин. Он был в 1916 г. основателем и первым президентом Русского ботанического общества, став академиком и директором Ботанического музея Академии Наук. В 1900 г., возглавляя Бюро по прикладной ботанике, А.П. Бородин пригласил на работу Р.Э. Регеля, магистра ботаники и доктора садоводства, ставшего заведующим Бюро в 1905 г. С ним Н. И. Вавилов впервые познакомился в 1911 г. на Первом съезде деятелей по селекции и семеноводству сельскохозяйственных растений в Харькове. В том же году он обращается к нему со следующим письмом 18 октября: «Глубокоуважаемый Роберт Эдуардович. Настоящим письмом обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой. Окончив год назад Московский сельскохозяйственный институт и будучи оставлен при кафедре частного земледелия профессором Д.Н. Прянишниковым, я занимался нынешний год на Московской селекционной станции и в настоящее время очень желал бы с ноября позаниматься несколько месяцев у Вас, в Бюро прикладной ботаники». Регель откликнулся на это письмо положительно, и уже с 15 ноября Н.И. Вавилов начал свои занятия в Бюро в качестве практиканта, изучая в основном ботанические виды и формы хлебных злаков. В отчете Бюро за январь-апрель 1912 г. отмечается, что «Ученый агроном Н.И. Вавилов закончил свои занятия и выехал в Москву» Таким образом, первая практическая работа Н.И. Вавилова в Бюро по прикладной ботанике заняла, как он и хотел, несколько месяцев, за которые он успел ознакомиться с работой его сотрудников, собранными ими к тому времени коллекциями сельскохозяйственных культур, гербарием, библиотечным фондом. С 1908 г. началось издание научного журнала «Труды Бюро по прикладной ботанике», переименованного в 1917 г. в «Труды по прикладной ботанике и селекции». К числу постоянных корреспондентов этого печатного издания относился и Н. И. Вавилов, опубликовавший в VI томе «Трудов бюро» за 1913 год свою первую статью « Гибрид обыкновенной пшеницы (*Triticum vulgare* Vill) с однозернянкой (*Triticum monossosum* L)». Знакомство Н.И. Вавилова с работой Бюро по прикладной ботанике и лично Р.Э. Регелем имело очень важное, можно сказать судьбоносное значение для него и для будущего сельскохозяйственной науки Советской России. Именно благодаря первому

петербургскому этапу его научной работы в качестве мало кому известного агронома – практиканта произошло и все последующее. Именно Н.И. Вавилова выберет Р.Э. Регель через несколько лет своим помощником и, как окажется, преемником на посту заведующего Отдела по прикладной ботанике, который станет потом Всесоюзным институтом растениеводства (ВИР).

Становление в науке

В 1913 г. Н.И. Вавилов впервые выезжает за границу. Его командировают для пополнения знаний и завершения образования в ведущие научные центры Западной Европы. Первой из европейских стран он посетил Англию. Особо важной для него была работа в Институте садоводства в Мертоне близ Лондона у У. Бетсона, одного из основоположников генетики как науки, собственно и давшего ей это название. Здесь им была выполнена работа по иммунитету хлебных злаков к грибным заболеваниям. Полезной оказалась петербургская практика в Бюро по микологии и фитопатологии у А. А. Ячевского. Много времени он провел в лондонском Линневском обществе, разбирая, описывая, фотографируя гербарии самого Линнея. Тут ему, конечно, оченьгодились познания, полученные в Бюро по прикладной ботанике у Р.Э. Регеля. Некоторое время он работал также в кембриджских лабораториях Пеннета и Бивена.

По завершении работы в Англии Н.И. Вавилов отправился во Францию, где ознакомился с работой фирмы известных селекционеров Вильморенов, затем посетил в Германии лабораторию знаменитого биолога-эволюциониста Э. Геккеля. Его первая поездка в Европу была прервана начавшейся Первой мировой войной 1914 года. Пришлось срочно возвращаться домой. Научные записи и литература, материалы опытов, отправленные им на родину пароходом погибли в море вместе с кораблем, потопленным немцами.

В Москве он сдает магистерский экзамен, что равноценно было тогда защите диссертации, и продолжает научную работу, совмещая ее с преподавательской деятельностью в родной Петровской академии. На военную службу он не был призван из-за дефекта зрения. Еще в детстве он повредил один глаз в результате домашних химических опытов, которые он проводил с братом. Проявившаяся столь рано естествоиспытательская любознательность оказала ему в этом случае не лучшую услугу. Однако побывать на территории военных действий ему все-таки пришлось. Война шла не только с Германией, но и союзными ей государствами, в том числе с Турцией на южных границах Российской империи. Русские войска заняли северо-восточную часть Ирана. Внезапно среди солдат распространилась так называемая «пьяная» болезнь. Пьянели в данном случае не от алкоголя, а по другой причине. Налицо было явное отравление от какой-то неведомой заразы. Разгадать ее происхождение было поручено Н.И. Вавилову, который проводил в то время ботаническое обследование Закаспийской области. Он

был командирован в военную зону распространения данной болезни. С этим поручением он успешно справился, распознав причину в хлебе, которым снабжали солдат. Засоренность местной пшеницы пьянящим плевелом и зараженность почвы спорами грибка фузариума были главными источниками массового отравления. Стоило военным властям запретить выпечку хлеба из местной пшеницы и случаи отравления прекратились. Ну, а Вавилов не мог не воспользоваться предоставившейся ему возможностью и совершил вместе с войсками первое свое ознакомительное путешествие по Средней и Юго-Западной Азии.

С отступлением русской армии пришлось отступить и ему. Но агроном и ботаник Н.И.Вавилов не был бы замечательным путешественником и географом если бы так просто взял и покинул эти благодатные по своим природным богатствам и бесценные для естествоиспытателя места, являющиеся прародиной многих ценных сельскохозяйственных культур, в том числе и любимых его пшениц. Вавилов предпринял затем самостоятельное путешествие на Памир, сделав первые наблюдения и открытия, столь пригодившиеся ему при дальнейших путешествиях в эти края. По возвращении в 1916 г. в Москву он многое из им увиденного осмыслил и доложил на сессии Русского ботанического общества, в частности о сорнополевом происхождении ржи, засорявшей веками пшеницу. Эта идея нашла определенное понимание и сочувствие со стороны аудитории, и особенно присутствовавшего там Р.Э. Регеля, видимо, уже тогда оценившего своего бывшего практиканта Вавилова как вполне сформировавшегося ученого, с широким биологическим кругозором и очень оригинальным, глубоким складом аналитического, способного к научным обобщениям мышления.

Саратовский период

В 1917 г. начинается саратовский период жизни и научной деятельности Н.И. Вавилова. Саратов сыграл также поистине судьбоносную роль в его жизни. Здесь он прожил почти 4 года насыщенных интереснейшей научной и преподавательской работой, здесь обрел много друзей и учеников, среди которых была его любовь и будущая вторая жена Е.И Барулина, тут в саратовской тюрьме он скончался 26 января 1943 г., фактически от голода, цинги и нечеловеческих условий содержания заключенных.

Переезд Н.И. Вавилова в Саратов был вызван, очевидно, его вечной тягой к новому и некоторой ограниченностью работы в Петровской сельскохозяйственной академии в то время. Преподавательской работы ему вполне хватало. Кроме ведения курса по частному земледелию, он также преподавал на Высших женских Голицынских сельскохозяйственных курсах. Ему явно не хватало масштаба научной деятельности, требовалось, видимо, гораздо больше автономии в проведении исследовательской работы, завершении начатых еще ранее у Бетсона опытов по иммунитету пшениц к грибным болезням. Из предложенных ему вакансий работы в Воронеже или

Саратове он выбрал последний, хотя в Воронеже ему предлагали кафедру и должность профессора, а в Саратове лишь скромное вначале место преподавателя на Высших сельскохозяйственных курсах. Для Вавилова важна была работа именно в центральном Поволжье, хлебном крае, где наиболее естественно и наглядно прослеживалось поведение пшениц на часто эпифитотийном инфекционном фоне грибных и иных болезней. Это полностью отвечало его научным интересам. Именно здесь окончательно созрел его труд «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям», который был опубликован в 1919 г. и стал краеугольным камнем вавиловского учения об иммунитете растений. А уже в 1920 г. он выступает со своим знаменитым докладом «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» на III Всероссийском селекционном съезде в Саратове. Закон этот вошел в классику генетики как одно из самых фундаментальных научных обобщений и прозрений. Некоторые участники съезда усмотрели в нем аналогию с менделеевской периодической системой химических элементов и приветствовали автора как своего Менделеева в биологии. Н. И. Вавилов как показал весь его дальнейший путь в науке, был, прежде всего, самим собой, величиной самодостаточной, но действительно вполне равновеликой самым крупным ученым, выдающимся представителям естествознания всех времен и народов. Недаром его имя заключено в почетную рамку на титульной обложке международного журнала «Heredity» (Наследственность) наряду с Линнеем, Дарвиным, Менделем, Морганом.

Саратов отнюдь не изолировал Н.И. Вавилова от остального ученого мира, а наоборот придал ему самостоятельный научный вес, а затем и общероссийскую известность. Уже в 1917 г. Р.Э. Регель приглашает его занять должность своего помощника. В это время Бюро по прикладной ботанике было преобразовано в Отдел при Ученом комитете министерства земледелия. Н.И. Вавилов не мог не согласиться с этим заманчивым для него предложением, однако выдвинул ряд оговорок и условий, при которых это было бы для него приемлемо. Главное – это пребывание части времени, может даже большей, в Саратове для проведения экспериментальной работы по иммунитету, селекции, ботанической географии. Р.Э. Регеля эти «оговорки», похоже, не смутили, и он заявил, что «в лице Вавилова мы привлечем в Отдел прикладной ботаники молодого талантливый ученого, которым еще будет гордиться русская наука». В этом он, безусловно, не ошибся. Избрание Н.И. Вавилова на эту должность Ученым комитетом стало поистине историческим, если не революционным, событием, особенно учитывая, что оно совпало с 25 октября 1917 года.

Переезд в Петроград

Революционные события 1917 г. перевернули все в огромной стране, итак истощенной затянувшейся мировой войной. Для Европы она закончилась в 1918 г., для России она обернулась еще более кровопролитной и разорительной войной гражданской. Все это не могло не отразиться самым

печальным образом и на научных учреждениях, на состоянии дел в самой науке. Удивительно, что она все-таки продолжала делаться и выжила в эти суровые для всей страны годы. Выжили, правда, не все ученые. Одной из жертв того жестокого лихолетья стал Р.Э. Регель. Он скончался неожиданно в 1920 г., заразившись сыпным тифом после поездки по делам службы в Москву, а затем на короткий срок к семье в Вятскую губернию, где она спасалась от голода и лишений, которые охватили тогдашний Петроград. В 1922 г. скончалась также от сыпного тифа его взрослая дочь, семья осталась без всяких средств к существованию, и Н.И. Вавилов вынужден был хлопотать перед Наркомземом РСФСР о назначении вдове покойного Регеля, его малолетним сыну и внуку пенсии. Но это уже потом, а в 1920 г. перед ним стал острым ребром вопрос о дальнейшем поле своей деятельности в качестве помощника и фактически заместителя скончавшегося Регеля. Отдел по прикладной ботанике остался не просто без своего административного руководителя, но, по существу, без волевого и рачительного попечителя, источника творческих идей, движущей энергии всего этого учреждения. При нем Бюро стало Отделом, прообразом будущего института растениеводства (ВИР). В нем уже тогда было собрано и хранились в виде семян и гербария несколько десятков тысяч образцов разных сельскохозяйственных культур, включая дикорастущие родичи и сорные растения.

Дела Вавилова в Саратове шли совсем неплохо. Высшие Саратовские сельскохозяйственные курсы в 1918 г. были преобразованы в институт, который вскоре был присоединен в качестве агрономического факультета к Саратовскому университету. Н.И. Вавилов получил профессорское звание и возглавил там кафедру частного земледелия. Там же в Саратове он создал с ведома Регеля отделение прикладной ботаники как филиал центрального Отдела в Петрограде. Переезд туда с целью возглавить и оживить осиротевший после смерти Р.Э. Регеля Отдел был для того времени делом не только профессионально очень ответственным, но и, по сути, актом определенного гражданского мужества. Отсидеться в то время в провинции было намного безопаснее, чем находиться в обескровленных столицах. Ближе к продовольствию, к селам, дальше от голода, холода, болезней, бандитизма, красного террора центральной власти. Недаром столько людей устремлялось на периферию распавшейся Российской империи и еще не окрепшей, не собранной воедино Советской России. Достаточно прочесть «Доктора Живаго» Б. Пастернака. В одном из писем Регелю в августе 1918 г. Вавилов пишет: «Я сознаю, что самое тяжелое бремя на Вас. Жить в Петербурге и в лучших условиях трудно. И я понимаю, что много подвижничества и сознания долга требуется от того, кто стоит во главе большого дела – как Отдел прикладной ботаники. Быть во главе в настоящее время подвиг. И уверен, что и все сотрудники Отдела сознают это». И в самом конце: «Попробую завтра послать Вам немного муки». Теперь эстафету подвига Регеля должен принять Вавилов, и он решает на это.

Приехав вскоре после смерти Регеля в Петроград, он активно начинает переустраивать работу Отдела по прикладной ботанике, одновременно решая вопрос по его переезду с Васильевского острова, где он ютился в нескольких квартирах в доме 61 на 2-ой линии. Вызывает удивление, даже восхищение, как ему удалось перевести скромное по тем временам во всех отношениях учреждение в импозантные здания бывшего Министерства земледелия и государственных имуществ на Исаакиевской площади, а также в помещения великолепного Строгановского дворца на Невском проспекте. Все это можно было сделать лишь с ведома Ученого комитета теперь уже при Наркомземе и разрешения самых высоких властных инстанций города. Но главной заботой Вавилова в это время стал поиск и пробивание экспериментальной базы для полевой и оранжерейной работы с растениями. Без этого он не мыслил научной и практической работы как своей, так и своих сотрудников. Прежний опыт работы в Саратове, а ранее на Московской селекционной станции, посещение других опытных сельскохозяйственных станций того времени давал ему именно такое направление мыслей и действий. Агроному, растениеводу, селекционеру необходимо наряду с рабочим материалом реальное поле деятельности, поле в данном случае в буквальном смысле. К тому же необходимо подходящее лабораторное и производственное помещение. И тут внимание Н.И. Вавилова приковывает ближайший к Питеру пригород. Пригород этот совсем недавно именовался Царским Селом. Переименованный в Детское Село, он все еще не утратил былой прелести и ухоженности царской резиденции и прежней эпохи, овеянной имперской историей России и гением Пушкина.

«В Царском Селе нашлось все, о чем только мог мечтать»

В письме Н.И. Вавилова Е.И. Барулиной от 12 октября 1920 г. есть такие строки: «Веду политику в Царском Селе, Там была селекционная станция Альтаузена, еще много не выяснил, но эта станция решить должна переезд...». Что касается данной станции, то с ней вопрос так и остался не ясным. Зато уже через день он отправляет тому же адресату письмо, которое стоит привести почти полностью: «Вопрос о Петрограде решен определенно. Никаких колебаний относительно переезда у меня после всего, что выяснилось теперь, в течение наших дней пребывания здесь. Определенность решению дало Царское Село, откуда мы только что вернулись... В Царском Селе нашлось все, о чем только мог мечтать. Чудесный дом для генетического института, оранжереи, кругом лес, дворцы, самое здоровое место по климату, удобство сообщения с Петроградом, все полно Пушкиным, и – подумай только! – в одном из домиков нашей селекционной станции жил Пушкин. Памятник Пушкину против лица – живой Пушкин, от него не оторвешься. И сам Пушкинский музей рассматривался как возможность для генетического института. В Царском Селе так хорошо, что лучшего, кажется, трудно желать... Конечно много и без числа трудностей. Если бы ты, Леночка, представила, как трудно перевозить отдел с

Васильевского острова во дворец, как трудно преодолеть инерцию покоя. Но я чувствую, что все преодолимо, лишь очень хотеть... Как никогда, хочется сделать много. И все помыслы связываются с Питером. Чтобы пережить наши впечатления, возьми Пушкина и прочитай все о Царском Селе. Мне очень хотелось снова перечитать всего Пушкина».

Письмо, казалось бы, не требует каких-либо особых комментариев, оно явно пронизано влюбленностью автора в это чудное место, которое он открыл для себя впервые, любовью к Пушкину и женщине, которой пишет, надеждами на то, что все у него получится, как замыслил, наконец, окончательным решением переезда в Петроград. Тем не менее, при его прочтении возникают определенные вопросы, кое-что нуждается в некоторых пояснениях. Обращает на себя внимание то, что для Вавилова это место связано, прежде всего, с Пушкиным, оно по-прежнему для него Царское Село. Некоторые здания, места его будущей работы ассоциируются для него с поэтом, одним из гениев этих мест. Само учреждение, где он собирается работать, он называет генетическим институтом. Что касается последнего, то он со временем его организует, но не в Царском Селе, а в Москве. В Царском, тогда уже Детском Селе будет им создана Центральная генетическая станция, а затем Отдел генетики ВИР. Что касается дома, в котором жил Пушкин, а это мог быть только дом Китаевой, в котором поэт поселился с молодой женой в 1831 г. на дачный летний сезон, то он принадлежал Агрономическому институту, недавно также организованному и переехавшему в Детское Село. С 1920 по 1931 гг. здесь находились акклиматизационная лаборатория и кафедра селекции института, к созданию которой имел прямое отношение Н.И. Вавилов. Ну, а музея Пушкина тогда в городе, похоже, не было, Вавилов в чем-то предвосхищает его создание в гораздо более позднее время. В 1949 г. Всесоюзный музей А.С. Пушкина открыл в только что восстановленном Александровском дворце его брат Сергей Иванович Вавилов, бывший в то время президентом Академии наук СССР. Тогда же был открыт небольшой мемориальный музей поэта в здании Лицея. Во время же Н. И. Вавилова это здание было отмечено лишь мемориальной доской, установленной еще в 1899 г. к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Само же здание было превращено в жилое помещение, где, между прочим, жили такие известные деятели культуры, как литературовед Н.П. Анциферов и художник К.С. Петров-Водкин.

Переезд Н.И. Вавилова в Петроград и связанные с этим перемещение Отдела по прикладной ботанике в центр города и хлопоты по поиску подходящего места для селекционной станции совпали с другим важным событием в области сельскохозяйственной науки. Это создание и переезд в Детское Село Петроградского агрономического института (ПАИ), в дальнейшем Ленинградского сельскохозяйственного института (ЛСХИ), именуемого теперь Санкт-Петербургским аграрным университетом (СПбГАУ). Новый институт образовался из слияния трех высших учебных заведений: Стебутовских женских сельскохозяйственных курсов, Петербургских сельскохозяйственных курсов на Каменном острове и

вечерних агрономических курсов Общества народных университетов. Постановлением Совнаркома от 27 апреля 1918 года, вновь созданному Агрономическому институту передавались права владения на обширные парковые территории, включая Александровский, Екатерининский, Баболовский и Отдельный парки. Сюда входили все хозяйственные постройки и многие здания, представляющие культурную и историческую ценность. Сюда попал, в частности, весь Федоровский городок и ближние к нему Царская ферма, Ратная палата, Белая Башня, помещения Казачьего конвоя, Сводного и Железнодорожного полков. В некотором отдалении от них Китайская деревня и Пенсионные конюшни, а также уже упоминавшийся дом Китаевой. Сюда же вошли придворные оранжереи садовника Фрейндлиха и находящаяся за Колонистским прудом усадьба великого князя Бориса Владимировича. Вот эту усадьбу и облюбывал Н. И. Вавилов вскоре после своего переезда в Петербург. Можно сказать, что она явилась главной приманкой для него, оценившего ее чудесную живописность и удобство для научной работы.

Усадьба и место, которое она занимает, действительно своеобразно чудесный уголок Царского Села, созданный в духе и стиле старинной английской коттеджной постройки. Это и не удивительно, т. к. главное здание-коттедж возводилось в 1895-1896 гг. по проекту английских архитекторов Шерборна и Скотта лондонской строительной фирмой «Мэпл» с использованием оригинальных, привезенных из Англии строительных материалов (кирпичей, черепицы, ценных пород дерева, элементов внутреннего убранства). Версия о том, что дом этот был подарком английской королевы Виктории своему крестнику великому князю Борису Владимировичу, кузену последнего русского царя Николая II, видимо имеет право на существование, но представляется не слишком правдоподобной, учитывая, что за все это было заплачено отцом князя 400 тысяч рублей серебром. Таким образом, не вправе ли это считать подарком отца, великого князя Владимира Александровича своему сыну. Настоящим подарком судьбы данная усадьба стала лишь после революции, когда была национализирована государством по закону революционного передела и беспредела в отношении частной собственности. Кроме главного здания на территории усадьбы находилось еще два служебных: конюшня и запасной дом (он же каретник, а затем гараж), построенный позже другим архитектором - Гогеном, но в том же, хотя и более изысканном стиле. На территории усадьбы был заложен прекрасный дендропарк, остатки которого сохранились до сих пор. Еще там была оранжерея, стоял так называемый «чайный домик», сгоревший уже после войны. Вот это место буквально очаровало Н. И. Вавилова и преисполнило решимости использовать его для будущей исследовательской работы. Однако для этого ему пришлось за него побороться, чуть ли не буквально, его завоевывать.

«Веду политику в Царском Селе»

Переехав в Петроград и возглавив там Отдел прикладной ботаники Н.И. Вавилов не расстался с преподавательской деятельностью. Его приглашают для работы во вновь созданный Агрономический институт в Детском Селе и он соглашается. 25 ноября 1920 года на заседании Ученого Совета института его единогласно избирают заведующим и профессором кафедры генетики и селекции. Фактически же он, будучи основателем и организатором этой кафедры, являлся совместителем. В будущем ему придется совмещать массу других должностей и постов, однако главной для него в то время и во все последующие годы все же останется работа в Отделе по прикладной ботанике, ставшем впоследствии всемирно известным институтом его имени – ВИРОм. Великокняжеская усадьба за Колонистским прудом стала в то время владением Агрономического института, как и весь Отдельный парк, частью которого эта усадьба как бы являлась. Здесь Вавилов решил организовать опытную генетическую и селекционную станцию. Место было подходящее как в отношении построек, так и прилегающих к усадьбе земель. Однако при самом тесном соприкосновении с этой будущей базой экспериментальной научной работы выявилось много проблем и трудностей. Реалии того непростого времени, связанные с революционными событиями, последствиями пережитой, но еще не до конца изжитой гражданской войны давали о себе знать разрухой, бедственным состоянием всего хозяйства и людей, в том числе и на новом месте работы. Это явствует и из некоторых фрагментов писем Вавилова в то время. Саратовскому другу П.П. Подъяпольскому от 18 марта 1921.: «И вообще в Царском Селе хорошо. В городе (я раздваиваюсь между Селом и городом: 3 дня в городе, 4 в Селе) хуже. Холодно и люди обессилели».

Осенью 1921 г. Н.И Вавилову пришлось на время покинуть поле битвы за обустройство экспериментальной работы на новом месте. Вместе с заведующим Отдела микологии и фитопатологии А. А. Ячевским его командировают в США для участия в Международном конгрессе по сельскому хозяйству. Наряду с положенными командировочными советское правительство ассигнует им определенную сумму денег в золотой валюте для закупки зерна лучших сортов. В России в то время разразился тяжелейший голод в Поволжье, и надо было всеми средствами его преодолеть, в том числе и приобретением за границей не только продовольствия, но и качественного семенного материала. В Америке Вавилов не ограничивается формальными поручениями. В Нью-Йорке он по своей инициативе организует вместе с русским ученым биологом и эмигрантом Д. Н. Бородиным американское отделение российского Отдела по прикладной ботанике. Оно сыграло очень важную роль в мобилизации и отправке в Россию ценного селекционного и семенного материала многих сельскохозяйственных культур. На обратном пути Вавилов посещает ряд стран Европы, ведущие научные центры в Англии, Франции, Голландии,

Германии, Швеции. Результаты поездки были очень продуктивными и удачными, но беспокойство за все оставленное в России, отдел, станцию, людей его все это время не оставляло. Из письма Е. И. Барулиной: «Боюсь, что этот год слишком труден для России. Скорее надо на выручку».

Вернулся Н.И. Вавилов уже в феврале 1922 г. и сразу окунулся в бездонный омут забот и проблем, которые оставались и множились независимо от его отсутствия или присутствия. Из Саратова им было взято с собой 13 человек своих учеников и помощников, в том числе Е.И. Барулина, Е.Н. Синская, А.И. Мордвинкина, будущие известные специалисты каждая в своей области прикладной ботаники. На самом деле приехало еще больше сотрудников. Всех надо было трудоустроить, материально и жилищно обустроить. На все нужны средства и условия. Необходимы какие-то организационные неординарные решения. В связи с этим у него возникает разумная идея обособить опытную станцию в Царском Селе, сделать ее самостоятельной, независимой от Агрономического института, передать ее в ведение Отдела по прикладной ботанике и селекции, который к тому времени вошел в состав Государственного института опытной агрономии (ГИОА) – так стал называться Сельскохозяйственный Ученый комитет при Наркомземе, куда сам Вавилов входил в качестве одного из двух заместителей (товарищей) председателя комитета Н. М. Тулайкова – известного ученого-агронома и коллеги по работе в Саратовском университете. Идея эта, очевидно, пришлась не слишком по вкусу ректору Агрономического института И.Л. Джандиери. На этой почве между ними возникли определенные трения, но возобладало желание и упорство Н.И. Вавилова. Уже в мае 1922 г. усадьба официально передается, согласно постановлению Детскосельского Исполнительного Комитета, Сельскохозяйственному Ученому Комитету Народного Комиссариата Земледелия для организации Центральной Опытной Станции по прикладной ботанике и селекции. В постановлении говорится, что передается «а/ усадьба Бориса Владимировича, находящаяся в гор. Детском Селе, по Московскому шоссе за Колонистским прудом в границах бывшего владения со всеми надворными постройками и жилыми домами, а также б/ участки земли, непосредственно прилегающие к усадьбе...с юго-восточной стороны, общей площадью в двенадцать десятин».

Это событие находит отражение в ряде писем Н. И. Вавилова того времени. С. И. Жегалову в Москву от 6 июня 1922 г.: «Получили на днях собственный участок и постройки бывшей усадьбы вел. кн. Бориса Владимировича в Царском Селе и, таким образом, независимо от Агрономического института имеем свою станцию. Называется она Центральной станцией по прикладной ботанике и селекции. С ней, конечно, много хлопот...». Известному цитологу и эмбриологу растений С. Г. Навашину: «Покорнейшая просьба к Вам, Сергей Гаврилович, от отдела прислать нам Вашу фотографию для нашего генетического музея на Опытной станции по прикладной ботанике и селекции в Царском Селе...Налаживаем большую опытную станцию по селекции и генетике в

Царском Селе». Далее тон писем на эту тему более озабоченный. Усадьба завоевана, но не устроена еще, как надо. Из письма А. И. Мальцеву, специалисту по сорным травам, одному из старых сотрудников Отдела: «Северо-Двинское отделение в нынешнем году также дало хорошие результаты по сортоиспытанию. Доволен остался и Московским отделением...Хуже дело на Центральной станции в Царском Селе. Ремонт оказался сложнее, чем предполагали. Нужны огромные средства, десятки миллионов. Получить их в сверхсметном порядке – дело почти невозможное. Как будто удастся урвать 10 миллиардов, и этим исчерпываются все ресурсы до осени. Вообще самое трудное дело – поставить эту станцию на ноги»

Наиболее детально Н.И. Вавилов освещает проблему Царского Села в письме к В.Е. Писареву, своему самому доверенному в то время сотруднику, который станет первым директором станции в Детском Селе, а потом и его заместителем по институту: «Коротко наши новости следующие: три сельскохозяйственные школы соединились в одну. Ректор К.Д. Глинка. Весь ареопаг агрономического института изъят. Школа становится определенно на ноги». Это об организации и административной реорганизации института, где он преподавал. И далее: «В Царском Селе большие перемены. Мы перешли в усадьбу вел. кн. Бориса Владимировича, которую завоевали в июне месяце. К ней присоединен участок в 15 десятин, часть которого обгорожена. Здание оказалось сильно испорченным, 340 радиаторов – лопнувшими. Две недели тому назад затребовали 40 миллиардов, которые не знаю даже, как удалось получить, справились с отоплением, и теперь оно функционирует. Оккупировали возле усадьбы два домика, которые пришлось изрядно ремонтировать. В один из них перевезли Ваших к их большому удовольствию». Относительно домиков речь, видимо, идет о зданиях каретника и конюшни на самой территории усадьбы, которые переоборудовали под жилье для сотрудников станции.

Ну и, наконец, можно привести еще один отрывок из письма заведующему Северо-Двинского отделения Отдела по прикладной ботанике Ф.Я. Блинову: «Налаживается дело и с Институтом. Объединение произошло, и все шансы, что он будет прочным. Глинка в качестве ректора совершенно на месте. Из наиболее болезненных операций было устранение Ильи Львовича (Джандиери). Во главе зоотехнической станции стоит теперь Лискун. По-видимому, весь Институт будет в ближайшие месяцы или может быть годы перенесен целиком в Детское Село. Лично я думаю, что объединением трех школ создались действительно возможности для создания большой хорошей школы в Северном крае».

В своей брошюре «Н.И.Вавилов – человек, ученый, организатор и руководитель кафедры генетики и селекции Санкт-Петербургского Государственного Аграрного Университета (СПбГАУ)» профессор этого учебного заведения и, кстати, в одно время заведующий этой кафедрой В.И. Пыженков, представил действия Н.И. Вавилова в отторжении усадьбы великого князя и Детскосельской станции от Агрономического института в

самом невыгодном свете. Однако в невыгодном, прежде всего, для себя, ибо не нашел ничего другого, как описывая деятельность не только своего давнего предшественника на этом посту, но и всемирно известного ученого, сделать из этого эпизода чуть ли не главную сюжетную интригу своего сочинения. Ничего более достойного или, получается, недостойного Н.И. Вавилов не совершил, работая тогда в Агрономическом институте. Все это, конечно, совсем не так. То, что Пыженков пытается поставить в вину Вавилову, можно и должно на самом деле считать его большой заслугой перед наукой. И не потому, что победителей якобы не судят, а потому, что Центральная опытная станция по прикладной ботанике и селекции, которую Вавилов организовал и сделал ее самостоятельным подразделением своего Отдела, стала действительно ведущим научным и экспериментальным центром сельскохозяйственной науки у нас в стране, где работали самые выдающиеся ученые своего времени: цитогенетик Г.Д. Карпеченко, цитолог Г.А. Левитский, физиолог Н.А. Максимов и др. И в настоящее время Пушкинские лаборатории ВИР являются центральной научной и опытной базой института. Думается, что тогдашний Агрономический институт и нынешний Аграрный университет потеряли гораздо меньше, чем обрел в свое время Н. И. Вавилов для своего будущего института, завоевав эту станцию. Кстати, а одном из своих писем Д. Н. Бородину, возглавлявшему Нью-Йоркское отделение Отдела по прикладной ботанике, организованное там Н. И. Вавиловым во время своего визита в США, он пишет: «Для Центральной опытной станции получили усадьбу великого князя Бориса Владимировича с боем, конечно, с уплатой миллиарда отступного Наробразу». Сумма, конечно, в рублях и по нынешним временам представляется внушительной, однако в то гиперинфляционное время она составляла где-то около 250-270 долларов, что тоже, в общем-то, было немало. Есть и соответствующий документ с подлинной подписью Н. Вавилов, удостоверяющий эту сделку, правда сумма «откупных» указана в несколько меньших размерах – 816 миллионов рублей. В том же письме есть и такие строки: «Письмо о диком рисе получил, но рис еще не пришел, очень ждем его. Около нашей станции большой пруд, в котором попытаемся развести под Петроградом рис». Под большим прудом, видимо, имеется в виду Колонистский пруд. Вряд ли он был приспособлен для такого рода опытов, но планы Н.И. Вавилова, как всегда были устремлены в будущее. Ну, а что касается личных отношений между Н.И. Вавиловым и И.Л. Джандиери, то нам ли о них судить, что мы реально о них знаем, и так ли уж знает все В.И. Пыженков. И потом, кто знает теперь что-либо о Джандиери, и года, вероятно, не пробывшего ректором объединенного Агрономического института, во главе которого вскоре встал известный ученый-почвовед К.Д. Глинка. То, что Н.И. Вавилов признал его ректорство вполне уместным, понятно. Большие люди и по-крупному мыслят, и соответственно понимают друг друга, мелочных недоразумений между ними обычно не бывает.

Уместно, наверное, будет привести здесь и видение этой ситуации из далекого прошлого ближайшего сотрудника и помощника Н.И. Вавилова в то

время С.М. Букасова, впоследствии академика и ведущего ученого-картофелевода: «В 1920 г. Н.И. Вавилов был срочно вызван в Петроград занять должность заведующего Отделом прикладной ботаники. В те тяжелые годы в Петрограде не осталось прежних ведущих ученых, для экспериментальной работы не было базы. Сознавая важность решительного подъема земледельческой науки для молодой Советской республики, Вавилов своим долгом считал организацию активного центра этой науки и принял решение привлечь новые кадры ученых и создать опытную станцию под Петроградом. Со свойственной ему решительностью он перевел в Петроград большинство саратовских сотрудников, основал в Пушкине генетическую станцию Агрономического института, профессором которого был избран. В этот организационный период Н.И. Вавилов назначил меня заместителем и одновременно преподавателем на своей кафедре. Приходилось преодолевать большие трудности не только при оборудовании новой опытной станции, но и по бытовому обустройству большого числа сотрудников, переезжавших из Саратова. Рамки генетической станции были узки для широкой программы работ, поэтому Николай Иванович основал в Пушкине еще и селекционную станцию для Отдела прикладной ботаники, привлекая новых специалистов-селекционеров». Из этого более чем явствует, что Н.И. Вавилов на самом деле ничего не отторгал от Агрономического института, а наоборот создавал для него, а потом и для Отдела совершенно новую экспериментальную базу. Другое дело, что потом в силу необходимости она была преобразована в одну опытную станцию и стала основной научно-исследовательской базой вавиловского института.

Не менее субъективен В.И. Пыженков в оценке Н.И. Вавилова как лектора. Не известно на кого ссылаясь, он пишет: «Его нельзя было назвать блестящим оратором. Он то замолкал в поисках нужного слова, то перескакивал с предмета на предмет и было нелегко уследить за полетом его мысли». А далее совершенно не логичный вывод: «но та увлеченность, с которой Николай Иванович говорил, приковывала всегда внимание. Николай Иванович был прекрасным пафосным докладчиком по написанному, заранее подготовленному и отредактированному тексту». А вот, что пишет в своих воспоминаниях настоящий очевидец и слушатель выступлений Н.И. Вавилова известный селекционер-картофелевод А.Я. Камераз, учившийся в то время в институте: «Я впервые увидел этого удивительного человека в 1922 г. В этом году произошло слияние трех высших сельскохозяйственных учебных заведений г. Ленинграда (тогда Петрограда): Агрономического института, Каменноостровских с.-х. курсов, Стебутовских высших женских с.-х. курсов. В качестве ректора этого нового сельскохозяйственного ВУЗа был приглашен ректор Воронежского с.-х. института Константин Дмитриевич Глинка. В одном из больших залов Ленинграда незадолго перед началом занятий было устроено собрание, на котором выступили К.Д. Глинка и Н.И. Вавилов. Доклад К.Д. Глинки был посвящен задачам высшего с.-х. образования. Он развивал, в частности, идею о том, что на кафедрах института следует вести также научную работу. Вторым выступил Н.И.

Вавилов, только что вернувшийся из совместной поездки с проф. А.А. Ячевским в США, Доклад Н.И. Вавилова был посвящен с.-х. образованию в США и положению там с.-х. науки. Он произвел на меня большое впечатление, был очень содержательным. В нем отсутствовали лишние фразы. И этот доклад, и многие доклады Н.И. Вавилова, которые я слышал из его уст в дальнейшем, отличались глубоким содержанием и максимальной лаконичностью изложения. Из его докладов нельзя было ничего выкинуть, он говорил предельно ясно. Докладчик был сосредоточен на изложении темы своего доклада, избегая красивых фраз. Слушая доклады Н.И. Вавилова, мне всегда казалось, что на трибуне передо мною стоит мыслитель, и в его содержательном докладе нельзя упустить ни одного слова. Поэтому, если во время доклада ко мне кто-либо обращался с вопросами, как правило, я не отвечал: надо было слушать выступление мудреца и не потерять ни одного слова из его речи». Вот такие воспоминания, что называется из первоисточника, о какой пафосности, о написанности лекций, тут может идти речь? Разве что только в воображении В.И. Пыженкова.

А вот и другие отзывы известных ученых, выпускников Агрономического института. Профессор В.В. Суворов, много лет заведовавший потом кафедрой ботаники в этом же институте: «В годы становления селекции как науки Николай Иванович организовал и возглавил в институте кафедру селекции и генетики. В то время у нас было много известных ученых, хороших лекторов. Но читать так, как Николай Иванович, никто не мог. Он читал лекции по-своему, по-вавилонски. Помню на лекции Николай Иванович появлялся всегда с огромным портфелем, полным книгами и журналами – последними научными новинками по селекции и генетики. Николай Иванович любил молодежь, которая прекрасно это чувствовала и отвечала ему взаимностью. Большая аудитория, в которой он читал лекции, всегда была заполнена до отказа». Почти в том же духе выдержаны воспоминания другого профессора Л.В. Катина-Ярцева: «Я слушал замечательные лекции Н.И. Вавилова. Никогда не забуду, как он приносил с собой груды книг, прочитанных им ночью, чтобы сообщить студентам то, что узнал. Это было главным – дать людям все, что знаешь сам, заставить смотреть дальше, искать каждый день новое, неизвестное...». Хочется напомнить слова академика К.Д. Глинки, которые полностью относятся к Н.И. Вавилову: «Он знал, что хотел, что хотел – то мог и что мог – сделал». От себя хочется добавить, сколько бы еще он мог сделать при его творческой одержимости и физической неутомимости, если бы в расцвете сил не погубили задуманные им труды, не загубили его самого.

Н. И. Вавилов руководил кафедрой генетики и селекции до 1927 г. До того же года был ректором института К. Д. Глинка. Лектором и профессором кафедры он оставался до 1931 г. 19 марта 1931 г. он пишет в правление Молочно-огородного института (так в то время именовался СПбГАУ): «Будучи перегружен работой по Академии с.-х. наук имени Ленина и по Институту растениеводства, прошу освободить меня от преподавания. Рекомендую в качестве профессора по кафедре селекции К.И. Пангалю.

Жалею, что не смог этого сделать ранее за полной перегруженностью, т.к. недавно вернулся из-за границы. Академик Н. Вавилов».

По Пыженкову его руководство кафедрой было скорее формальным. Слишком много времени Вавилову приходилось уделять основной работе в созданном им в 1925 г Институте прикладной ботаники и новых культур (ИПБК и НК, будущий ВИР), а также проводить в экспедициях, в частности в Афганистан, страны Средиземноморья, Эфиопию. С этим отчасти можно согласиться. Но даже не слишком частое присутствие Н.И. Вавилова в институте, его увлекательные и очень содержательные лекции не могли не запечатлеться в умах и сердцах многих студентов того времени. Некоторые из них стали известными специалистами в области растениеводства, селекции и семеноводства сельскохозяйственных растений. Среди них тот же А.Я. Камераз, В.Т. Красочкин, В.В. Суворов, Е.С. Якушевский и др. И далее руководство созданной Н.И. Вавиловым кафедрой продолжили его сотрудники по ВИРу К.И. Пангалю, Г.А. Левитский, Л.И. Говоров, К. А. Фляксбергер. Можно сказать, что дух его на этой кафедре не выветривался до самой войны. После нее многое, конечно, изменилось, был муторный период лысенковского поветрия в науке, затем вместе с возрождением генетики это лженаучное мракобесие (хотелось бы назвать его заблуждением, да не получается) во многих умах рассеялось и Н.И. Вавилов, благодарная память о нем, его научные идеи вновь воскресли. Однако, оказывается, не всем это по душе и в наши дни. Что ж большое видно на расстоянии, а мелкое порой не разглядишь и под лупой. Слишком мелки и мелочны те претензии, которые предъявляются порой великим людям людьми, которые меряют все по себе, по своей мерке.

Центральная опытная станция в Детском Селе

В 1925 г. на базе Отдела по прикладной ботанике и селекции, входившего тогда в Государственный Институт опытной агрономии (ГИОА), постановлением Советского правительства (тогда Совета Народных Комиссаров) решено было создать новый Всесоюзный Институт прикладной ботаники и новых культур (ВИПБ и НК). Он должен был стать первоочередным в системе аграрных институтов, из которых собирались создать будущую Всесоюзную Академию сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), Она была создана позже в 1929 г. В структуру института входил наряду с отделами полевых культур, плодоводства, огородничества и специальных культур, натурализации древесных пород и поселкового садоводства, сортоиспытания и размножения новых культур, информации и интродукции, также отдел генетики и селекции, «образуемый из передаваемой Институту Народным Комиссариатом Земледелия РСФСР со штатами и кредитами Центральной селекционной и генетической опытной станции в Детском Селе со всеми ее отделениями». Решение было принято на самом высоком правительственном уровне. На то, какое значение ему придавалось в высших сферах власти свидетельствует то, что председателем

Совета Института, а, по сути, правительственным попечителем и куратором, стал Н.П. Горбунов, в прошлом личный секретарь Ленина, а в 1925 г. управляющий делами Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР. Директором института был назначен Н.И. Вавилов. Такая расстановка сил сулила вновь образованному научному учреждению большое будущее, но и неминуемые осложнения в дальнейшем управлении Института, т.к. предполагала определенную подконтрольность и зависимость директора от вышестоящего по положению Председателя Совета. При свободолюбивом характере Н.И. Вавилова, у которого были в общем хорошие, основанные на взаимоуважении отношения с Н.П. Горбуновым, неизбежными оказались некоторые, если не конфликтные, то спорные ситуации, принципиально неприемлемые для директора. В результате он вынужден был в 1927 г. подать Горбунову просьбу об отставке, правда, не принятую.

С образованием Института Центральная селекционная и генетическая опытная станция в Детском Селе приобрела новый дополнительный стимул в своем развитии. На ее базе при бывшей царскосельской великокняжеской усадьбе создается отдел генетики и селекции. Сама станция обзавелась Мурманским и Северо-Двинским отделениями, уделяя особое внимание продвижению сельскохозяйственных культур на Север. Директором станции был приглашен Н.И. Вавиловым лично замечательный ученый и организатор науки В.Е. Писарев, работавший до того в Восточной Сибири. После организации Института Писарев стал также заместителем директора, являясь самым доверенным лицом Вавилова, который высоко ценил его профессиональные и деловые качества. Во время своих долгих экспедиций по разным континентам и странам мира, он постоянно отчитывался перед Писаревым в своих путевых письмах к нему, справляясь о положении дел в институте. Плодотворная деятельность В.Е. Писарева в институте и на станции продолжалась до 1933 г., когда он был арестован, один из первых сотрудников Н.И. Вавилова, подвергшихся этой репрессивной мере. Вскоре его, правда, выпустили, но после этого он уже в институт не возвратился, выбрав иной путь и место своей научной деятельности. Его заслуги в области селекции зерновых культур, создании новой сельскохозяйственной культуры тритикале – гибрида между пшеницей и рожью хорошо известны и широко признаны. Однако не следует забывать и о периоде его тесного сотрудничества с Н. И. Вавиловым, очень важной и ценной научной и организационной работе на Детскосельской опытной станции института. Что послужило причиной его не возврата в институт, приходится только догадываться. Возможно, это как-то связано с тем режимом, который ему пришлось испытать и теми показаниями, которые вынужден был давать во время заключения. Порядочному человеку такое не просто перенести и возвратиться после этого в прежнюю среду на круги своя.

Заведовать лабораторией генетики, размещавшейся в Детском Селе при Центральной генетической и селекционной станции, в главном здании бывшей великокняжеской усадьбы, Н. И. Вавилов пригласил тогда совсем еще молодого (26 лет), но очень талантливого ученого Г.Д. Карпеченко. Имя

это вошло впоследствии в золотой фонд генетической науки. У него были замечательные достижения, настоящие прорывы в области отдаленной гибридизации растений, Им получен первый плодивый межвидовой гибрид между капустой и редькой, названный рафанобрассикой (от латинских родовых названий этих культур). Несмотря на то, что какого-либо хозяйственного значения гибрид не имел, он послужил прекрасной моделью искусственного получения амфидиплоидов с удвоенным числом хромосом. Им и его сотрудниками были проведены классические работы по полиплоидии как эффективному методу преодоления нескрещиваемости разных видов и даже родов растений. Вместе с Г.Д. Карпеченко в организованную им лабораторию был приглашен работать ряд других талантливых генетиков, работы которых стали потом также хорошо известны. Среди них А.Н. Лутков (полиплоидные сорта сахарной свеклы), М.И. Хаджинов (гетерозисные сорта гибридной кукурузы), Т.В. Асеева (генетика картофеля) и др. В лаборатории Карпеченко работала и жена Н. И. Вавилова – Е.И. Барулина, специалист по бобовым культурам. В 1931 г. Г.Д. Карпеченко возглавил также кафедру генетики растений Ленинградского Университета, куда он привлек для преподавательской работы и видных специалистов ВИРа: Г.А. Левитского (цитология), Л. И. Говорова (селекция), М.А. Розанову (экспериментальная систематика), В.И. Разумова (физиология развития) Сюда же был привлечен вести курс частной генетики известный болгарский генетик Дончо Костов, приглашенный в страну самим Н.И. Вавиловым.

В 30-е годы 20 века в научном мире начинает всходить мрачная звезда Т.Д. Лысенко. Для классической генетики в СССР наступает настоящее лихолетье. Она объявлена формальной, реакционной, буржуазной. Менделеевизм, вейсманизм, морганизм становятся ругательной терминологией лысенковцев в возникшей идеологически и политически спекулятивной, но слишком далекой от истинной науки полемике между сторонниками и противниками генетики. Г.Д. Карпеченко оказывается на самой передовой линии и позиции этого противостояния, этой пока бескровной борьбы за научную истину. В 1929-1931 гг. он работал в США в лаборатории Моргана и не на бросовых словах, а на деле, в научном эксперименте постигал истинность генетических положений и открытий современной ему биологии. Очевидно, поэтому он стал объектом наиболее оголтелых нападок со стороны Лысенко и компании, куда в основном прибились не слишком обремененные подлинными научными знаниями люди. Особую рьяность им придавала явная поддержка со стороны государственной и партийной верхушки, лично Сталина. Это в конечном итоге и решило судьбу Г.Д. Карпеченко, который был арестован через полгода вслед за Н.И. Вавиловым и разделил трагическую участь своего директора и близкого во всех отношениях человека.

Среди выдающихся ученых старшего поколения, привлеченных Н.И. Вавиловым в 1925 г. к работе во вновь созданном институте совершенно особое место занимает Г.А. Левитский. По широте знаний, большой

эрудиции, глубине научных исследований в области ботаники, систематики и, особенно, цитологии - науки о клеточных структурах он заметно выделялся среди других ученых-биологов того времени. Этого не мог не заметить Н.И. Вавилов, познакомившийся с Г.А. Левитским во время его визитов в Петроград. При создании нового института он сразу предлагает Левитскому переехать сюда из Киева, где в то время работал ученый, возглавляя лабораторию морфологии и систематики в селекционном институте при «Сахаротресте». В вавиловском институте ему предлагается должность заведующего лабораторией цитологии и анатомии растений. Г.А. Левитский с благодарностью принимает приглашение и с этого времени начинается его чрезвычайно плодотворная работа в области кариосистематики растений, берущую за основу ядерный хромосомный аппарат клетки, плоидность или число хромосом в ядре, их структуру. Уже в 1931 г. выходит его работа «Морфология хромосом и понятие «кариотипа» в систематике». Его экспериментальные исследования не были оторваны от практических нужд селекции, в «Теоретических основах селекции», выпущенных ВИРОм в 1935 г. включена его статья «Цитологический метод в селекции», где обосновывается прикладное значение цитологии на определенных этапах селекционного процесса.

Биография и судьба Г.А. Левитского при всей его поглощенности наукой неоднократно ставила, а вернее кидала ученого в сложные, а в итоге трагические жизненные ситуации. В 1933 г. его арестовывают вместе с другими учеными ВИРа по обвинению в принадлежности к мифической «Трудовой крестьянской партии». Видимо, в какой-то мере, сыграла роль его эсеровское прошлое. Примыкая к эсерам, он был арестован еще в 1907 г за участие во Всероссийском съезде Крестьянского союза в Москве, провел восемь месяцев в Бутырках, после чего был выслан на три года за границу, где продолжил свое научное образование. Арест 1933 г. также завершился административной ссылкой в Западную Сибирь, а затем в Саратов, но уже через несколько месяцев его освободили. В отличие от В.Е. Писарева, арестованного и освобожденного в то же время, Г. А. Левитский вернулся в ВИР и работал там до самой войны. Исследовательскую работу в ВИРе он совмещал с преподавательской на кафедрах генетики и селекции Ленинградского Университета и Сельскохозяйственного института. Борьба с генетикой, развернутая Лысенко и иже с ним затронула его, как и Г.Д. Карпеченко непосредственно, лично. В полемике с ними он был на должной высоте своих недюжинных знаний, высокой принципиальности и честности благородного ученого и гражданина. Власть и противники ему этого не простили. Он был арестован уже в третий раз вскоре после начала войны. Через год он скончался в тюрьме Златоуста (Челябинская область). Еще одна трагическая жертва того режима и времени. Жертва, оправданная по закону о реабилитации, но которую нельзя оправдать по закону человеческой совести.

Из других крупных ученых, работавших в разные годы при Вавилове в Детском Селе, а затем городе Пушкине необходимо также упомянуть Н.А. Максимова, И.И. Туманова, В.Г. Александрова. С выдающимся ученым,

можно сказать классиком физиологии растений Н.А. Максимовым Н.И. Вавилов стал сотрудничать еще с 1922 г, вскоре после его переезда в Петроград, когда была создана Центральная селекционно-генетическая станция в Детском Селе. Они были связаны по Государственному институту опытной агрономии (ГИОА), где Максимова поручено вести работу по прикладной физиологии и агрометеорологии. В одном из писем Н.И. Вавилов сообщает: «В отдел метеорологии привлекли физиолога Максимова, который интересуется вопросами холодостойкости и засухоустойчивости, и он сейчас начинает всерьез развивать работу». Н.А. Максимов поставил действительно очень серьезные работы по физиологии, экологии, селекции на устойчивость к экстремальным факторам среды. Исследования велись как в Детском Селе, так и на других отделениях и опытных станциях. Как он писал в своей автобиографии, «Быстрое развертывание работы по ВИПБ и НК, потребовавшее уделения этому институту почти всех сил и времени побудило в 1926 г. оставить работу в Институте им. Крупской, а в 1927 г. в Ботаническом саду и в Университете». Как физиолог он во многом предвидел то явление, которое Лысенко окрестит потом «яровизацией» и будет с помпой рекламировать и насаждать его повсюду, где только можно и нельзя. Первоначально относясь негативно к скороспелым выводам поначалу мало кому известного агронома-высочки, отвергнув возможность какого-либо сотрудничества с ним, он в дальнейшем не избег вынужденного конформизма, признав заслуживающим внимания «новаторский» характер лысенковских лжеидей и прожектов. Это, впрочем, не помешало его аресту в 1933 г. вместе с другими ведущими сотрудниками ВИРа, после которого он в институт уже не возвращается.

После Н.А. Максимова физиологические исследования в ВИРе возглавил другой замечательный ученый И. И. Туманов, пришедший работать в институт с самого его основания в 1925 г. В нем он проработал до 1940 г. Большая заслуга ученого в организации работы по оценке растений на зимостойкость. В 1940 г. вышла его книга «Физиологические основы зимостойкости растений». Большую заинтересованность и помощь в развертывании работ по физиологии растений оказывал лично Н.И. Вавилов. По воспоминаниям И.И. Туманова «Он ездил в Москву, добывал необходимые кредиты, содействовал получению импортного оборудования. Помогал в деле подготовки физиологических кадров...». Через всю свою жизнь И.И. Туманов пронес чувство благодарной памяти и признательности к Н.И. Вавилову: «Работать с Н.И. Вавиловым было приятно, хотя он был беспокойным партнером, часто давал задания для опытов, требовал форсировать их. Обладая разносторонними знаниями, он вникал в существо наших исследований и высоко ценил, когда получалось что-либо интересное. Иногда мы выслушивали от него и суровую критику. Ценным было, однако, то, что с ним можно было вести дискуссию... Он терпеливо выслушивал возражения, убеждал, но не подавлял оппонента».

Деятельность другого известного ученого В. Г. Александрова в ВИРе проходила с 1929 по 1942 гг. Его знакомство с Н.И. Вавиловым состоялось в

1926 г. в Ленинграде, куда он приезжал с докладом об исследованиях руководимой им кафедры анатомии и физиологии растений Тифлисского университета. Вавилов предложил ему сотрудничать с институтом по разработке анатомических методов исследования культурных растений применительно к практическим задачам физиологии и селекции. После перехода в ВИР он работал сначала в отделе генетики и селекции, куда в качестве секции входила лаборатория анатомии и цитологии Г.А. Левитского, а в 1931 г. сам возглавил выделившуюся как самостоятельную лабораторию анатомии растений. Н.И. Вавилов проявлял большой интерес к работам лаборатории, поддерживал и направлял их. Важное значение имели теоретические труды В.Г. Александрова «Анатомия растений и селекция» (1932, 1935) и «Перспективы физиологической анатомии растений» (1941). С 1942 г он перешел работать в Ботанический институт (БИН), где с 1944 г. стал возглавлять лабораторию, а потом отдел морфологии и анатомии растений, однако вавиловский, вировский период научной деятельности был, очевидно, наиболее интересным и плодотворным для него.

Таким образом, по приглашению и заботами Н. И. Вавилова Детскосельская опытная станция была укомплектована самыми первоклассными учеными и стала действительно Центральной генетической и селекционной станцией страны. Впрочем, ее название постоянно менялось из года в год. Нынешнее свое название Пушкинские лаборатории ВИР станция получила 1 января 1939 г. До этого она числилась Детскосельским филиалом института, сектором селекции или методики селекции, в одно время была Сектором генетики и селекции и одновременно Северо-Западным селекцентром, затем опять Детскосельской, а с 1937 г., когда Детское Село было переименовано в город Пушкин, Пушкинской опытной станцией. В 1938 г. методические лаборатории станции перевели в центр, в Ленинград, а в 1940 г. опять в Пушкин. Станция разрасталась, строилась, перестраивалась, научная работа на ней велась очень интенсивно при непосредственном и побудительном участии Н.И. Вавилова. По воспоминаниям заведующего станцией В.С. Соколова: «Вавилов часто бывал в Детском Селе, где после постройки больших оранжерей развернулось экспериментальное изучение коллекций растений, проводились серии скрещиваний, ставились опыты по иммунитету. В любой свободный день, особенно вечером, Николай Иванович с огромным удовольствием сам сеял, скрещивал и наблюдал. Эти занятия он всегда считал отдыхом». С 1934 г. он жил в летнее время в Детском Селе в доме рядом со станцией (Московское ш. д. 27(тогда 23), и мог при своей огромной рабочей нагрузке уделять больше времени станции. Но это было возможно только при том невероятно интенсивном режиме работы, которому Н.И. Вавилов был привержен всю свою сознательную и творческую жизнь. По воспоминаниям В.С. Лехновича работа Николая Ивановича в Пушкине начиналась в 6 часов утра и продолжалась до начала девятого, когда он уезжал в институт.

Однако положение дел на станции было, видимо, далеко не всегда безоблачным. Особенно оно омрачилось после ареста в начале 30-х годов

ряда ведущих специалистов ВИРа по обвинению в причастности к так называемой Трудовой крестьянской партии, вымышленной властью для того, чтобы свалить провалы своей аграрной политики, поголовной коллективизации, раскулачивания и разорения зажиточных крестьянских хозяйств на представителей сельскохозяйственной науки, видных ученых-аграрников, многие из которых действительно не могли одобрить подобную политику, хотя особенно ей в то время не сопротивлялись. На счету власти уже был процесс по делу так называемой Промпартии, к которому привлекли ряд ведущих инженеров страны. Нечто подобное затевалось и в отношении видных агрономов, селекционеров, экономистов, которых собирались привлечь к судебной ответственности за якобы противодействие ведущей линии партии и сделать ответственными за разразившийся во многих регионах страны голод. К деятельности этой мифической партии привлекают в свое время самого Н. И. Вавилова, а пока, вернувшись из очередной экспедиции на американский континент он обнаружил, что ряд ведущих сотрудников института, в том числе его заместитель и ближайший помощник В.Е. Писарев арестованы. Из главных научных работников станции были подвергнуты аресту также Г.А. Левитский и Н.А. Максимов. Именно в это время здесь, очевидно, начались определенные брожения и наметился некий кризис в работе. Об этом свидетельствует документ, отправленный Н.И. Вавиловым « В партком сектора селекции и северо-западного селекцентра в Детском Селе» от 31 января 1934 г. В нем выражается беспокойство и неудовлетворенность директора института сложившейся обстановкой в коллективе станции, когда некоторые из оставшихся ценных ее сотрудников высказывали намерение ее покинуть. Среди них назван и Г.Д. Карпеченко, упомянут физиолог В.И. Разумов и ряд других сотрудников. До конца преодолеть этот кризис так и не удалось. В это время начинается закат Н.И. Вавилова как лидера сельскохозяйственной науки в стране. В органах ГПУ, а затем НКВД уже заведено и начинает разбухать дело о его якобы антисоветской деятельности. С 1935 г. он уже не президент ВАСХНИЛ и не член ЦИК республики, становится не выездным за границу, отменяется 10-летний юбилей ВИР и 25-летний юбилей научной деятельности самого Н.И. Вавилова. С закатом яркой звезды Вавилова, восходит поначалу шальная, а затем вполне законная, в духе породившего ее классового режима звезда Т.Д. Лысенко. В 1934 г. его приглашают для научных консультаций в Детское Село. То, что он там побывал, свидетельствует фотография тех лет, где он изображен на полевым опытном участке ВИР в плотном окружении сотрудников станции. Какие он давал консультации не известно, но то, что здесь, в исконно вавиловском центре науки появились его сторонники вполне достоверно. Это не могло не сказаться на психологическом и рабочем климате в институте, и, конечно, самой станции. Это явствует даже из тех официальных характеристик, которые давались тогдашним ее директором В.С.Соколовым опальным ученым. Так в характеристике, данной Г.Д. Карпеченко, пишется как об ученом «недостаточно отчетливо и искренно проводящем советскую политику» и что он «реконструировать на базе

материалистической диалектики генетику не может, наоборот, проявляет политику на дискредитирование начинаний в этой области». Такого же рода справка - донос, была дана в отношении Г.А. Левитского, характеризующая его откровенно негативно: «...крайне самолюбии, резок в выступлениях, часто переходящие в антисоветские. Например, по докладу Презента в частном разговоре с т. Сизовым дал оценку: диалектическая трескотня, а не методология. Для подготовки кадров не стремится подобрать советскую молодежь, а подбирает «подходящих», т.е. из бывших людей. В общественно-политической работе участие сейчас принимает крайне слабое». И.И. Презент, как известно, был ближайший помощник и «идеолог» Т.Д. Лысенко. Ему принадлежит крылатое выражение «Вавилон должен быть разрушен», под Вавилоном подразумевался ВИР – вавиловский институт. Оценка, данная ближайшим сотрудникам Н. И. Вавилова, не могла не коснуться его самого, а деление работников станции на советских и «бывших», уже само по себе свидетельствует о не слишком здоровой политической и психологической обстановке, которая установилась в то время в коллективе института. Все это не могло не задевать, не оборачиваться против самого Н.И. Вавилова. В борьбе с Лысенко и лысенковщиной – воинствующим невежеством в науке, в которую ему пришлось вступить побеждала не сила просвещенного разума, а поддержанная репрессивной властью, лично Сталиным, позиция неприятия законов классической генетики, буржуазной по мнению лысенковцев, и полная поддержка скороспелых методов и авантюрных обещаний народного академика и его сторонников, спекулятивно позиционировавших себя как представителей мичуринской советской биологии. Именно тогда Вавиловым было сказано: «Пойдем не костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся!». Все это завершилось арестом Н.И. Вавилова 6 августа 1940 г. во время его экспедиции в только что присоединенную Западную Украину. На этом и завершается собственно вавиловский период истории станции и трагически обрывается пребывание ученого в так любимом им Царском Селе – Детском Селе - городе Пушкине.

Дом, где жил Н.И. Вавилов (Московское шоссе д. 27)

Рядом с Пушкинскими лабораториями ВИР, на том же Московском шоссе стоит по настоящее время деревянный довольно изысканной постройки дом с угловой башенкой. Дом был построен еще во второй половине 19 века архитектором А.Х. Кольбом, а в начале 20 века перестроен для новых хозяев архитектором С.А. Данини. И тот, и другой оставили заметный след в архитектуре жилой застройки города. С 1924 г. этот дом, вместе с несколькими соседними деревянными домами, стал принадлежать находящейся рядом опытной станции и заселяться ее сотрудниками. В 1934 г. его еще раз перестроили и на первом этаже выделили квартиру для Н.И. Вавилова и его семьи. Квартира использовалась как летняя дача директора института. Будучи постоянно очень загруженным работой, пребывая в

Детском Селе в самый разгар полевых опытов, работая там до полуночи, он не всегда мог во время уехать домой на свою городскую квартиру в Ленинграде. К тому же он привык мало спать и рано вставать для тех же полевых наблюдений и встреч с сотрудниками на опытных участках. Немаловажное значение имело и то, что жене Елене Ивановне также приходилось работать летом на станции, а сыну Юрию, сначала малолетнему ребенку, а затем школьнику было очень полезно проводить летнее время в Детском Селе, а затем городе Пушкине, с его целительным тогда климатом и активным, здоровым, каникулярным отдыхом. В этом отношении интересны воспоминания о детских годах, проведенных Юрием Николаевичем Вавиловым в этом доме, которыми он поделился с нами по нашей просьбе.

Рядом с Вавиловыми находилась квартира ближайшего соратника Николая Ивановича – Георгия Дмитриевича Карпеченко, известного генетика. Г.Д. Карпеченко с семьей жил здесь постоянно. Городской квартиры в Ленинграде у него не было. Жена Вавилова – Елена Ивановна Барулина была очень дружна с женой Карпеченко – Галиной Сергеевной. Это дружба сыграла прямо-таки спасительную роль для жены и сына Н.И. Вавилова. После ареста Н.И. Вавилова в августе 1940 г., а затем Г.Д. Карпеченко в феврале 1941 г. Галина Сергеевна пригласила на лето Е.И. Барулину с сыном к себе на дачу под Москвой. Начало войны застало их там и позволило эвакуироваться им в Саратов, на родину Е.И. Барулиной. Если бы они застряли в Ленинграде, то вряд ли бы им удалось оттуда выбраться и вообще выжить. С семьями репрессированных особенно не церемонились, а Елена Ивановна была в то время уже инвалидом, страдающим от неизлечимого артрита.

Но это было уже в конце их пребывания в Ленинграде и Пушкине. Начало же жизни там было гораздо более светлым и оставившим добрую память у Ю.Н. Вавилова. Он жил в Пушкине не только летом, но и приезжал туда и на зимние каникулы. Здесь он дружил с сыном заместителя Н. И. Вавилова и директора станции В. Е. Писарева, своим сверстником – Гарриком. Зимой они вместе катались на коньках. Юре купили «Снегурочки». Катка тогда в городе по воспоминаниям Юрия Николаевича не было, что, в общем-то, странно. Вполне можно было бы его оборудовать на Колонистском пруду. Тем не менее, мальчики находили выход своей энергии и тяге к детским приключениям, бегая на коньках по наледи тротуара до Московских ворот, а затем, сворачивая на аллеи бульвара, достигали железнодорожной станции.

Дружил Юра также с Ваней Левитским. Один из ближайших сотрудников его отца и известный цитогенетик Г.А. Левитский жил тогда с семьей в доме, находящемся в некотором отдалении от станции и от дома, где жила семья Н.И. Вавилова. Юре казалось, что это довольно далеко, хотя на самом деле это было чисто детским заблуждением. Дом, в котором жил и, очевидно, работал Г.А. Левитский, поскольку там находились еще и лабораторные помещения института, это сохранившийся старинный особняк на углу Павловского шоссе и улицы Захаржевского. Одним из владельцев

его был когда-то князь П.Р. Багратион, племянник героя войны 1812 года. Добраться туда от вировской станции через Отдельный парк можно было за 10-15 минут. Правда теперь проход с парка в этом месте наглухо перегорожен забором нового частного владения – бывшей юсуповской дачи. Сам же дом, где жили Левитские, запомнился Юре тем, что во дворе его росло высокое дерево черемухи, на которое ребята любили забираться и лакомиться сочными, терпкими ее плодами.

Из других знакомых ребят Ю.Н. Вавилов вспоминает Толю Федотова, жившего вместе с родителями в том же доме, что и он. Толя был сыном известного специалиста ВИР по люпину. Впоследствии он стал контр-адмиралом, но встретиться с ним Юрию Николаевичу в эту пору, к сожалению, не довелось. В глубине двора дома, на границе с основной территорией станции, куда вел проход, находился большой сенной сарай. В него любили забираться и кувыркаться на сене мальчишки, жившие здесь. На станции тогда еще содержали лошадей, и сено предназначалась им. Из других ребячьих развлечений летом это было, конечно, купание на ближайшем Колонистском пруде. Юра Вавилов научился здесь плавать, был очень рад, когда переплыл впервые на противоположный берег. В дальнейшем переплывал пруд вдоль и поперек. Тут же пристрастился к рыбной ловле, попадалась, правда, одна мелкая рыбешка.

Особое, однако, сильное впечатление и оставшееся в памяти на всю жизнь воспоминание о детских годах, проведенных Ю.Н. Вавиловым в Пушкине, связано с тем, что когда ему было девять или десять лет отец приобрел взрослый велосипед. Купить его в магазине тогда было невозможно, достали каким-то путем через профсоюз ВИРа. У самого Николая Ивановича не было особенно времени для катания на велосипеде. Все время отдавалось работе. К тому же летом он обычно надолго уезжал на дальние опытные станции ВИР на Кубань, Кавказ, Среднюю Азию и другие регионы. Так что он редко пользовался велосипедом в Пушкине, для работы не было особой необходимости, все находилось рядом, а для отдыха просто не было возможности. Хотя в молодости он очень любил ездить на велосипеде. Особенно много он поехал на нем в Англии во время своей стажировки в Кембриджском университете в 1913 - 1914 гг. Это было и приятное, и полезное, экономное средство передвижения.

То, чего фактически был лишен взрослый отец, обрел его подросток сын. Ему дозволено было кататься на редком тогда еще в стране «чуде» транспортной техники. Несмотря на то, что велосипед был взрослый, шустрый паренек быстро освоил езду на нем и стал совершать дальние колесные прогулки, в частности в Баболовский парк и даже пару раз в Ленинград, причем прицепившись на части пути к борту попутного грузовика. С точки зрения не только современной, но и тогдашней техники пользования транспортом это было далеко не безопасно. Мальчик, видимо, был из бойкого мальчишеского племени «сорви голов» и пользовался известной свободой времяпровождения на каникулах. Происходило это скорее не столько из-за недостатка родительского присмотра, сколько из-за

воспитания сына в духе столь необходимой в жизни ранней самостоятельности, смелости и умелости. В связи со всей этой памятной ему до сих пор велосипедной эпопеей Юрий Николаевич смог уже в ранние годы убедиться насколько зарубежные образцы техники превосходили отечественные. У их соседа по дому И.И. Туманова, близкого сотрудника отца, видного физиолога, впоследствии члена-корреспондента Академии наук СССР, также был велосипед, привезенный из заграничной командировки (возможно из Швеции). Но как он разительно отличался от вавиловского, и не только своим импозантным видом, широкими покрышками, но самим качеством. Было чему позавидовать Юре Вавилову.

Мальчика, однако, занимали не только одни физические развлечения, доставало времени и желания для чтения книг. Из художественной литературы особенно любимым был «Дон Кихот» Сервантеса. Ребенок явно был воспитан на лучших образцах отечественной и мировой классической беллетристики. У его отца была большая библиотека, и не только научной литературы. Любимым автором родителей был А.С. Пушкин. Любовь эта передалась и сыну. В 1937 году, когда в стране широко отмечалось столетие со дня гибели поэта, и Детское Село было переименовано в город Пушкин, Е.И. Барулина подписалась на полное академическое собрание его сочинений.

В кратких воспоминаниях Ю.Н. Вавилова, предоставленных нам на нескольких тетрадных страничках, очень мало личных сведений об его отце. Это можно объяснить тем, что слишком мало времени было у Николая Ивановича на общение с сыном. В жизни Юрия безусловно главенствующую роль играла мать, с которой ему пришлось провести и счастливое в общем время раннего детства и тяжелые, трагические годы после ареста отца и военного лихолетья. Осознание подлинного величия Н.И. Вавилова пришло к нему лишь с годами, особенно после реабилитации отца в 1955 году. Тем не менее, эпизод, связанный с арестом отца, ему достаточно ярко запомнился. Его стоит привести здесь в подлинном авторском тексте: «Об аресте отца я узнал, находясь на пушкинской квартире 7 августа 1940 года, когда утром, проснувшись, я вышел из дома и увидел стоящую возле крыльца дома черную «Эмку» и двух мужчин в штатском. Они попросили маму сесть в машину. Машина тронулась, я понял, что мой отец арестован. Он был в это время в экспедиции в Западную Украину. Я подумал, что мать тоже арестована. К счастью этого не произошло. Сотрудники НКВД отвозили ее на нашу ленинградскую квартиру присутствовать во время очень длительного обыска. К вечеру мама вернулась в Пушкин. Только во второй половине 90-х годов я узнал, что на пушкинской квартире в доме 23 (такую нумерацию имел тогда д.27 по Московскому шоссе) тоже был обыск, но значительно более короткий, чем на ленинградской квартире, т.к. в ней находилось мало материалов Н.И. Вавилова. Во время обыска я спал. Сотрудники НКВД оказались довольно вежливыми людьми и выполнили просьбу мамы меня не будить. Об этом я понял, когда прочел в 90-е годы протокол обыска на Пушкинской квартире». Описание довольно скупое, но

можно только представить, каково было уже много понимавшему 12-летнему подростку в тот черный для него и его матери день. Тем более, что он остался совсем один. Судьба матери также была под вопросом, а после того, как она вернулась с дурной вестью, было, наверное, не намного легче. Из других, более мелких деталей Ю.Н. Вавилов указал и на такую: обыскивавшие всё в доме оставили в покое «Дон Кихота», но изъяли книгу «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского, также к тому времени репрессированного. Рыцаря Печального Образа работники Берии не тронули. Это, конечно, в чем-то их очеловечивает, как и обращение с женой и сыном арестованного. Так совпало, что «Дон Кихот» - любимая книга и моего детства, причем раннего, когда за неимением других книг в эвакуации мать читала не весть, откуда взявшегося Сервантеса 4-5 летнему сыну, чутко воспринимавшего все на слух и пересказывавшего это потом соседям наизусть.

Юрий Николаевич передал мне свои воспоминания, посетив недавно Пушкин. Мы встретились с ним и его спутником у дома, где он когда-то жил и на котором в последние годы висит мемориальная доска с надписью, что здесь в 1920-1930-е годы жил выдающийся ученый-биолог академик Николай Иванович Вавилов. Наша попытка попасть в квартиру, где проживал он и его семья, увенчалась неожиданным успехом. Поначалу закрытая, вскоре она была гостеприимно распахнута перед нами внезапно появившимся после купания в ближнем пруду хозяином с домочадцами. По записи Ю.Н. Вавилова следует, что квартира эта была небольшой, однако после нашего осмотра пришли к выводу, что она не такая уж и маленькая. Какая-то перестройка в ней, конечно, произошла, но основная планировка сохранилась: две комнаты, одна большая, другая поменьше, полностью изолированы, имеются подсобные помещения, где сохранилась голландская круглая печь, а главное довольно просторная веранда. Все это делает квартиру привлекательной и уютной. К чести ее нынешнего хозяина, назвавшегося Алексеем и очень добросердечно нас принявшего, она и поныне выглядит хорошо ухоженной и вполне комфортной для жилья.

Об увековечении памяти Н.И. Вавилова в городе Пушкине

Не вся, но значительная часть жизни Н. И Вавилова связана с этим городом. Здесь он появился в начале 20-х годов прошлого века, создав экспериментальную базу своего института (ныне Пушкинские лаборатории ВИР), преподавал в Агрономическом институте, также только что основанном в Детском Селе, а в 30-х годах жил в летнее время в доме рядом со своей станцией. После его посмертной реабилитации в 1955 г. имя Н.И. Вавилова снова воскресло в памяти и общественном сознании граждан нашей страны. Среди ученых оно собственно никогда и не забывалось, хотя до поры до времени замалчивалось. Всесоюзному институту растениеводства, когда-то им созданному, наконец, заслуженно было присвоено его имя. Сейчас ВНИИ растениеводства имени Н.И.Вавилова

(ВИР) – это всероссийский институт. Фирменная аббревиатура его сохранилась, однако название его следовало бы существенно поправить, назвав институт с первого же слова вавилонским – Вавилонский институт растениеводства. Это более бы емко и точно отражало его суть и назначение. Дело не столько в имени, сколько кто за этим именем стоит. Н.И. Вавилов – это история, прошлое, настоящее и будущее института. Вавилонский вклад в его создание неocenim, собранная им коллекция растительных ресурсов, его идеи во многом живы и определяют, одухотворяют работу ВИРа до сих пор.

В нашем городе имя Н.И. Вавилова также не забыто, хотя достойно большего и лучшего представления. В 2003 г. по инициативе института была установлена мемориальная доска на доме, где он проживал (Московское ш. д.27), а в 2007 г. к 120-летию дня его рождения была открыта еще одна парадная доска на лабораторном корпусе №1 Пушкинских лабораторий ВИР (Московское ш., д.11). Строго говоря, во втором случае место установки выбрано не очень удачно. Здание хрущевского типа, на котором доска установлена, построено уже после войны и с Вавиловым связана весьма условно. Более уместно было бы установить доску, если не на самом здании, то рядом, где он действительно работал. Это главный дом-коттедж бывшей усадьбы великого князя. На этой доске надо было бы отметить также его ближайших сотрудников, которые здесь трудились вместе с ним: Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитского, Н.А. Максимова и др. Опыт установления такого рода мемориальных досок с полным списком известных лиц, причастных к тому или иному историческому зданию в городе уже имеется. Их не прикрепляют непосредственно на стены домов, оберегая их охранный статус, а устанавливают на специальных стойках, заделанных в землю.

Есть еще один способ увековечить память великого ученого, назвав одну из улиц города его именем. Самым верным было бы назвать улицей Н.И. Вавилова небольшой участок Московского шоссе от его начала (перед школой 500) до железнодорожного переезда, а собственно Московским шоссе называть магистраль, идущую от переезда. Эта короткая, но исторически значимая улица проходила бы рядом с Пушкинскими лабораториями ВИР и домом, где он жил.

В последнее время в городе развернулась активная кампания среди его жителей по защите от застройки жилыми зданиями территории бывшей контрольно-семенной опытной станции (КСОС), на которой с 1926 по 1931 гг. находился Отдел натурализации древесных пород ВИР (тогда ВИПБ и НК). В те годы там была заложена большая коллекция деревьев и декоративных кустарников с разных регионов мира. Коллекция разных видов сирени является особенно ценной и по-своему уникальной. И до сих пор там сохранился чудесный дендрарий с редкими для нашей зоны породами деревьев: пихты, голубой ели, дубоклена, манчжурского ореха, белой акации и др. Возникла идея создать на этом благодатном острове замечательной, редкостной флоры местный Ботанический сад и назвать его именем Н.И. Вавилова. В случае ее воплощения город и его жители

приобрели бы еще один чудный рукотворный памятник природы и садово-паркового зодчества, замечательное место отдыха и познания мира растений.

Заключение

Пребывание Н.И. Вавилова в Царском, затем Детском Селе, а с 1937 г. в городе Пушкине, отмечено настоящим расцветом сельскохозяйственной науки в этом столь значимом для истории и культуры России месте. Правильнее, наверное, говорить даже о не пребывании, он здесь не пребывал, а очень активно работал, трудился, хотя жил не постоянно, главным образом в летнее время. Создание в Детском Селе, в бывшей великокняжеской усадьбе Центральной генетической и селекционной опытной станции, ставшей затем Пушкинскими лабораториями ВИР, всецело его заслуга. Он – подлинный основатель этого учреждения, которому исполнится скоро уже 90, как оно работает. В преддверии 300-летнего юбилея Царского Села это не такой малый срок, охвативший значительную часть 20 века. В настоящее время город Пушкин стал фактическим центром агронауки в Северо-Западной части Российской Федерации. Здесь сосредоточены несколько сельскохозяйственных учреждений, в том числе одно высшее учебное (СПбГАУ), в котором Н.И. Вавилов преподавал с первых лет его образования. Среди них Пушкинские лаборатории ВИР занимают во всех отношениях заметное место в городе. В настоящее, не слишком благоприятное время для науки лаборатории испытывают также не лучшие для себя времена. Тем не менее, если вспомнить в каких невероятно тяжелых условиях они рождались, и были буквально поставлены Н.И.Вавиловым на ноги, нынешние трудности, испытываемые этой главной научно-исследовательской, экспериментальной базой ВИР не кажутся такими уже фатально непреодолимыми. Пример неутомимой, подвижнической деятельности Н, И. Вавилова как организатора и ученого, творца научной работы, развернутой им здесь, не может не воодушевлять морально и не укреплять физически всех нас, современников уже 21 века, на пути дальнейшего прогресса и развития того, вечно живого вавиловского направления в науке, которое было проторено в свое время им и его соратниками.

Трускинов Э.В.